

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-4-47-62

УДК 316.4

Взаимосвязь генерализованного доверия и коррупционных практик населения (результаты социологического исследования в Алтайском крае)

Анастасия Сергеевна Спирина¹, Светлана Геннадьевна Максимова²

¹ аспирант кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ)
ORCID: 0000-0001-6003-1691
natali93_08@mail.ru

² доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ)
ORCID: 0000-0002-4613-4966
svet-maximova@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы определяется значимостью категории генерализованного доверия, признаваемой в рамках концепции социального капитала базой для выработки установки доверия как «априорной доброжелательности», которая в дальнейшем может рассматриваться в качестве основы для снижения коррупционных практик населения. Низкий уровень и дефицит обобщенного доверия могут порождать толерантное отношение к коррупции и способствовать участию населения в коррупционных действиях. Высокий уровень доверия у индивида способствует уверенности в осуществляемых им действиях, их соответствию установленным нормам, правилам или договоренностям, за счет чего вероятность реализации коррупционных действий сводится к минимуму. Такая двойственность взаимосвязи коррупции и доверия объясняется существованием различных форм и уровней проявления доверия в обществе, когда разные виды доверия играют свою «роль». Цель исследования — выявление наличия взаимосвязи генерализованного доверия и коррупции в региональном социуме. Основой статьи является интегративная теоретико-методологическая база, включающая положения теорий доверия и коррупционности общества. Новизна исследования заключается в определении возможных точек взаимообусловленности социального доверия и коррупционности социума. В статье сделан акцент на социологическом анализе коррупционных практик и общественном восприятии коррупции. Определен уровень охвата бытовой коррупции и уровень генерализованного доверия среди населения Алтайского края по результатам социологического опроса городского и сельского населения в возрасте от 18 до 70 лет (n = 1 200). Коррупционные практики населения представлены в работе уровнем включенности в бытовую коррупцию по шестнадцати предложенным ситуациям обращения в органы государственной власти. Была осуществлена проверка гипотез о наличии взаимосвязи/зависимости генерализованного доверия

и коррупционных практик. В отношении некоторых показателей обнаружена взаимосвязь между социально-демографическими характеристиками, уровнем генерализованного доверия, охватом и спросом бытовой коррупции, а также выявлена зависимость некоторых коррупционных практик от обобщенного доверия. В статье использовался регрессионный анализ.

Ключевые слова: генерализованное доверие, бытовая коррупция, коррупционные практики населения, региональные исследования.

Цитирование: Спирина А. С. Взаимосвязь генерализованного доверия и коррупционных практик населения (результаты социологического исследования в Алтайском крае) / А. С. Спирина, С. Г. Максимова // Siberian Socium. 2021. Том 5. № 4 (18). С. 47-62. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-4-47-62

ВВЕДЕНИЕ

Понятие коррупции носит противоречивый и неоднозначный характер. Несмотря на это, определение коррумпированных субъектов, объектов и их практик имеет важное значение для общества в целом. Оценка коррупции может различаться среди представителей разных социальных групп в зависимости от контекста их восприятия [1, 7]. Также расходится мнение ученых о происхождении субъектов коррупции. Если обобщить все подходы, как правило, субъекты коррупционных действий делятся на должностное лицо (группу должностных лиц) и частное лицо (группу лиц). Побуждающие причины осуществления коррупционных действий могут быть рассмотрены в двух вариантах. В первом случае частное лицо претендует на принадлежащую ему выгоду. Однако в процессе взаимодействия с должностным лицом оно может сталкиваться с проблемами, например, на уровне оформления документов, что может явиться толчком к даче взятки для того, чтобы решить проблему или ускорить процесс. Во втором случае частное лицо прибегает к даче взятки, чтобы получить что-то, что считается незаконным и по праву ему не принадлежащим [16]. При рассмотрении этого определения можно увидеть, что в первом и во втором случаях результатом взаимодействия является коррупционная практика, выражающаяся в получении выгоды двумя сторонами с вариацией цели. Поскольку данный процесс включает в себя несколько субъектов, коррупция может быть рассмотрена как форма социальных отношений. В рамках данной работы будем придерживаться

социологического взгляда на данный феномен и рассматривать коррупцию как особый вид латентных социальных практик, воспроизводимых участниками коррупционных отношений.

Помимо отрицательной характеристики коррупционных действий, существует альтернативная точка зрения, рассматривающая позитивные аспекты такого взаимодействия. В ранее рассмотренном примере взаимодействия также может показаться, что оно приносит положительный результат участникам в виде более быстрого достижения цели. Однако вовлечение участников в коррупцию в большинстве случаев всё же считается негативным явлением. Суть коррупционных практик заключается как раз в нарушении формальных правил должностным лицом в обмен на вознаграждение в сделке. Е. В. Охотский характеризует коррупцию с «моральной точки зрения как циничное злоупотребление законами и непонимание таких норм и принципов общественной жизни, как честность, порядочность и скромность. Результатом является ослабление здоровых моральных принципов и установление аморальных норм в обществе» [10, с. 33]. Д. Абун (D. Abun) рассматривает коррупцию как симптоматический признак морального разложения [19].

Хотя на индивидуальном уровне в некоторых случаях коррупция может быть представлена положительно, на самом деле отрицательный эффект проявляется не только в отношении отдельного взятого индивида, но также на уровне отдельных сообществ, групп и общества в целом [17]. Л. Такони (L. Tassoni) и др. отмечают системный характер коррупции и изучают ее негативное влияние в сфере управления ресурсами, указывая на значи-

тельные неблагоприятные экономические последствия, которые, в свою очередь, способны спровоцировать появление отрицательного эффекта на общество [27]. Я. А. Ардельянова отмечает, что коррупционная деятельность может способствовать усугублению социального неравенства, формированию трудностей в ситуациях получения бесплатных государственных услуг, неэффективности социальных программ и дискредитации социальных институтов. «Коррупция передает ресурсы от масс общества к элитам и в основном от бедных к богатым, коренится в неравном распределении ресурсов в обществе и в будущем имеет тенденцию приобретать институциональные характеристики» [2, с. 216]. Вопрос борьбы с нарушениями формальных правил должностным лицом в обмен на вознаграждение в сделке является значимым для исследователей разных стран. С. Сумах (S. Sumah) и др. делают акцент на специфичности коррупционных проявлений в разных странах и считают, что борьба с их различными формами должна быть адаптирована в каждой стране или группе стран с учетом разных традиций, культуры, исторических фактов или обычаев [26].

В отличие от чувства справедливости, коррупция препятствует сотрудничеству. Доверие же рассматривается как социальная норма, расширяющая возможности населения к сотрудничеству [13]. Надо сказать, что в современной науке нет единого подхода к пониманию различных видов доверия. В рамках данной работы мы придерживаемся теоретического направления, которое рассматривает его как возобновляемый социальный ресурс и как социальный капитал. В частности, А. Селигмен представляет доверие в качестве существенного компонента всех устойчивых общественных отношений, акцентируя внимание на проблеме установления доверия как специфики своевременности [12]. Ф. Фукуяма характеризует доверие как социальный капитал сообщества и изучает культурные различия в уровне доверия [15]. Среди современных авторов данной концепции придерживаются П. М. Козырева, И. В. Глушко [6, 3]. Также мы основываемся на результатах исследования социального доверия в контексте регионального развития, которые представлены в работах С. Г. Максимовой и др. [9, 23].

В качестве одного из видов социального доверия выделяется генерализованное, или обобщенное доверие. Специфика данного вида заключается в «обобщенной» форме другого и отсутствии четких границ объекта доверия. Этот вид доверия выходит за рамки личного взаимодействия, за рамки дружбы и родства и распространяется по отношению к людям, которых индивид не знает лично. По мнению И. В. Глушко, обобщенное доверие является «феноменом макроуровня, когда речь идет о кросскультурных исследованиях уровня доверия, описании культуры доверия общества» [3, с. 17]. Обобщенное доверие относится к степени, в которой люди верят, что большинству людей, включая незнакомцев, можно доверять [22]. П. Штомпка считает, что генерализованное доверие является основанием для формирования культуры доверия в обществе, которая формирует стабильность общественного порядка, соблюдение прав и обязанностей как со стороны граждан, так и по отношению к ним со стороны государства [18]. П. М. Козырева полагает, что обобщенное доверие выступает в форме предрасположенности или готовности индивидов к взаимопониманию и сотрудничеству с незнакомыми людьми [6]. Я. Г. Янмат (J. G. Janmaat) рассматривает формирование обобщенного доверия как процедуру накопления опыта в разных социальных сферах, в зависимости от социального контекста. Рост уровня генерализованного доверия в данном случае обусловливается получаемой информацией об объекте доверия, т. е. об «обобщенном другом», о незнакомце [21].

Т. Н. Овчарова отмечает связь обобщенного доверия с моральными ценностями и нормами, усвоенными индивидом в процессе социализации [8]. Базой формирования генерализованного доверия выступает культурный капитал как элемент развития представлений и знаний о мире [5]. В связи с этим данный вид доверия рассматривается в качестве одного из главных показателей здоровья общества, важной ролью которого является обеспечение и поддержание устойчивости и интегрированности общества [4]. Роль генерализованного доверия в структуре социальной без-

опасности и открытости общества отмечается в работах С. Г. Максимовой, Д. А. Омельченко и др. [23, 9]. Т. Игараша (T. Igarashi) и др. отмечают, что обобщенное доверие придает взаимоотношениям стабильность и имеет достаточную обоснованность для предсказания доверительного отношения по отношению к незнакомцам, является важной основой для увеличения социального капитала. Субъекты, доверяющие другим субъектам, могут сотрудничать с незнакомцами для координации взаимной выгоды в различных социальных условиях [20]. Высокий уровень обобщенного доверия указывает на потенциальную готовность граждан сотрудничать друг с другом и абстрактную готовность принимать участие в гражданских начинаниях. К. Ву (C. Wu) считает, что обобщенное доверие указывает на качество жизни людей и обществ. Доверчивые люди часто живут лучше в финансовом отношении, имеют более высокий социально-экономический статус, в целом более счастливы, обладают лучшим здоровьем, более удовлетворены своей жизнью и даже имеют тенденцию жить дольше [30]. Общества с большим доверием функционируют лучше, богаче, безопаснее, сплоченнее и демократичнее.

В основу анализа генерализованного доверия закладываются различные показатели: уровень доверия к людям в целом, к социальному окружению, готовность помогать другим людям. Кроме этого, по результатам исследований выявляются факторы, обуславливающие различия в уровне доверия — уровень образования, место проживания, социальный статус, уровень материального положения респондентов и др. [9, 23].

Генерализованному доверию отводится роль показателя безопасности/открытости российского общества, уровня социального благополучия/самочувствия населения. Значимость обобщенного доверия при рассмотрении коррупционных действий заключается в том, что оно выступает как индикатор социальных настроений в обществе. Рассматривая взаимосвязь коррупции и социального доверия, с одной стороны, в обществе, в котором присутствует

высокий уровень доверия, коррупция будет восприниматься как пагубное явление, негативно отражающееся на его безопасности [14]. Высокий уровень коррупции при этом способен подорвать доверие общественности к деятельности институтов. Б. Ротштейн (B. Rothstein) и др. отмечают, что если государственные учреждения хотят завоевать общественное доверие, то правительство должно сосредоточить внимание на таких вопросах, как снижение уровня коррупции, а также улучшение социального поведения с помощью государственной и демократической системы здравоохранения и образования [25]. А. Ваннуччи (A. Vannucci) отмечает, что распространенное недоверие к государственным субъектам является в одно и то же время следствием и фактором, способствующими развитию системных коррупционных обменов [28]. Ш. Первин (S. Perveen) и др. считают, что общественность сталкивается с дефицитом доверия, потому что коррупция становится обычным явлением в государственных учреждениях [24]. З. Зулкарвин (Z. Zulkarwin) указывает, что недоверие к коррумпированному государству в свою очередь способно оказывать влияние на легитимность, создавая апатичные общества [31]. Генерализованное доверие фокусируется на желаемых результатах, таких как терпимость, общественная мораль, которые являются важными характеристиками надлежащего управления. Различный опыт обобщенного доверия влияет на социальное поведение.

С другой стороны, семейственность как форма проявления высокого уровня доверия родственникам способна переходить «...в форму аморальной семейственности, распространение которой приводит к низкой гражданской активности и возможному противопоставлению себя другим социальным группам и институтам, люди с сильной тенденцией к семейственности больше склонны работать с членами семьи, чем за ее пределами» [14, с. 143]. Анализируя доверие среди участников коррупционных практик, С. Роуз-Аккерман показывает, что «государственные служащие предпочитают совершать

противозаконные действия с знакомыми, близкими людьми, так как они с куда меньшей степенью вероятности, чем незнакомые люди, „накапают“ властям» [11].

Предметом данной работы является взаимосвязь генерализованного доверия и коррупционных практик населения. Цель исследования — выявление наличия взаимосвязи генерализованного доверия и коррупции в региональном социуме. Основными задачами исследования являются, во-первых, определение уровня генерализованного доверия населения и характеристика степени включенности населения в коррупционные практики. Во-вторых, выявление взаимосвязи генерализованного доверия и коррупционных практик по результатам проведенного социологического опроса населения. Учитывая угрозы, исходящие от коррупции, изучение данной темы представляется актуальным в связи с тем, что анализ взаимосвязи предполагает дальнейшее определение роли генерализованного доверия как возможного средства по снижению коррупционных практик населения.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирической основой полученных данных являются результаты социологического опроса населения Алтайского края в возрасте 18-90 лет ($n = 1\ 200$). В исследовании была использована многоступенчатая выборка с использованием квотного отбора. Было опрошено население разных возрастных групп и разной территориальной принадлежности. Доля молодежи составила 20,6%, население в возрасте 35-59 лет — 62,1% и 17,3% населения от 60 лет и старше. Городское население — 56,7%, сельское население — 43,3%.

Оценка генерализованного доверия осуществлялась с помощью 10-балльной шкалы. В процессе анализа баллы были объединены и сформированы три группы: низкий (от 1 до 3 баллов), средний (4-7 баллов) и высокий (8-10 баллов) уровень генерализованного доверия.

Анализ коррупционных практик в Алтайском крае был проведен с использованием следующих показателей:

- охват бытовой коррупции в Алтайском крае (доля граждан, попадавших хотя бы один раз в жизни в коррупционную ситуацию, независимо от исхода: дали они взятку или нет);
- риск бытовой коррупции (вероятность возникновения коррупционной ситуации при взаимодействии гражданина с представителями государственных учреждений);
- спрос бытовой коррупции (доля случаев, когда население дает взятку, оказавшись в коррупционной ситуации при обращении в государственные учреждения для решения своего вопроса).

Характеристика последних двух показателей осуществлялась в разрезе шестнадцати предложенных респондентам ситуаций их взаимодействия с представителями органов власти: бесплатная медицинская помощь, детские сады, средние общеобразовательные учреждения, вузы, пенсионный фонд, социальные выплаты, военкомат, работа, земельный участок, жилплощадь, суд, полиция, ГИБДД, услуги по ремонту жилья, получение паспорта и др. документов, регистрация сделок с недвижимостью.

Количественные данные обработаны с использованием статистической программы SPSS Statistics 23.0. Был осуществлен анализ таблиц сопряженности, сравнительный, частотный и регрессионный виды анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ генерализованного доверия населения

Исследования показали, что значение генерализованного доверия среди населения Алтайского края находится на среднем уровне. Степень доверия обобщенному другому практически не различается среди городского и сельского населения, а также среди мужчин и женщин, вне зависимости от уровня образования и дохода. Были выявлены различия в выраженности доверия к людям в целом между подгруппами населения разного возраста ($\chi^2 p < 0,005$). В каждой подгруппе сохраняется общевыборочная тенденция до-

верия к обобщенному другому на среднем уровне (65,6, 62,1 и 64,4%). Среди молодежи больше выражен низкий уровень генерализованного доверия (29,1% против 23,8 и 22,6%), а среди населения среднего и старшего возраста — высокий уровень (14,1 и 13% против 5,3%).

Анализ коррупционных практик населения

Одним из показателей участия населения в коррупционных ситуациях является охват коррупции. Анализ данного параметра показал, что чуть меньше половины опрошенных (43%) попадали в коррупционную ситуацию когда-либо вне зависимости от того, пришлось в итоге дать взятку или нет. Одинаковый коррупционный опыт отмечается среди подгрупп каждого возраста, городского и сельского населения, а также вне зависимости от должности и места работы. Были выявлены статистические различия показателя охвата коррупции в зависимости от пола ($\chi^2 p < 0,05$), образования ($\chi^2 p < 0,001$) и уровня дохода на одного члена семьи ($\chi^2 p < 0,05$). Мужчины чаще вовлекаются в коррупцию, чем женщины (46,7 и 40,4%), а более образованное население, в частности с высшим образованием (46,9%), — чаще, чем те, чей образовательный уровень не превышает среднего специального (39,7%) и среднего общего (31,2%). Относительно уровня дохода выявлено, что опыт коррупционных практик выше среди населения с большим уровнем материального достатка. Так, в подгруппе с максимальным доходом на одного члена семьи (от 51 000 руб. и выше) принимали участие в коррупционной ситуации чуть больше половины (52,4%) представителей подгруппы. Самый низкий показатель охвата коррупции установлен среди менее обеспеченного населения с уровнем дохода на одного члена семьи до 10 000 руб. (37,9%). Среди респондентов с доходом от 11 000 до 20 000 руб. и от 21 000 до 50 000 руб. доля оказавшихся в коррупционной ситуации составила 47,4 и 44,7%.

Непосредственный уровень дачи взятки составил 28,3% — данная доля населения при обращении в государственные учреждения для решения своего вопроса прибегала к незаконным способам. Чаще всего причиной отказа от официального

пути решения проблемы является сформированное и устоявшееся в общественном сознании мнение о неотвратимости коррупции, проявляющееся в том, что участники данных действий заранее знают, что без взятки им будет не обойтись (52,2%). Принятие незаконных действий как наиболее простого способа достижения цели подтверждается и тем, что практически каждый пятый, попадающий в коррупционную ситуацию (19,4%), проявляет собственную инициативу дачи взятки, видя в этом «безопасность» для решения своего вопроса или проблемы. Принудительность к взятке отметило чуть больше четверти ответивших (28,4%), которые использовали данный способ в связи с тем, что был намек со стороны и создана специальная ситуация.

Готовность к незаконным действиям не различается в подгруппах в зависимости от территориального места проживания, образования, дохода, должности и места работы. Однако была выявлена возрастная ($\chi^2 p < 0,05$) и гендерная дифференциация признака ($\chi^2 p < 0,05$). Мужчины дают взятки чаще, чем женщины (33,1 и 24,3%), а представители старшего возраста (38%) — чаще, чем молодежь (21,6%) и население среднего возраста (27,3%).

В качестве еще одного аспекта коррупционных практик населения Алтайского края был рассмотрен спрос на различные виды бытовой коррупции за последний год по шестнадцати предложенным ситуациям обращения. Максимальное значение показателя, выраженного в виде предоставления взятки за последний год, среди населения Алтайского края достигает при решении вопросов с ГИБДД, который составил 11,2%. Выше 5% наблюдается доля случаев, когда население решает свои вопросы неофициальным путем при обращении в государственные учреждения в таких сферах, как вуз, военный призыв, школа, услуги по ремонту/эксплуатации жилья у муниципальных служб по эксплуатации, дошкольные учреждения, жилплощадь, земельный участок и медицинская помощь (таблица 1).

Среди женщин выше доля тех, кто дает взятку при обращении в дошкольные учреждения и при получении жилплощади ($\chi^2 p < 0,05$). Мужчины чаще отказываются от легального решения про-

блемы при взаимодействии с ГИБДД, при решении вопросов о назначении, перерасчете пенсии ($\chi^2 p < 0,05$), а также социальных выплат ($\chi^2 p < 0,01$). Городские жители чаще используют взятки при решении вопросов с социальными выплатами ($\chi^2 p < 0,05$). Чем выше уровень образования у ответивших, тем выше среди них доля тех, кто отказывается от официального решения вопросов по работе ($\chi^2 p < 0,05$). Чаще неофициально решает вопросы трудоустройства население низкого уровня дохода (до 10 000 руб. на человека ($\chi^2 p < 0,01$)), которое также использует взятки при решении вопросов в вузе ($\chi^2 p < 0,01$). При обращении в общеобразовательные учреждения чаще всего дает взятку население с уровнем дохода от 21 000 руб. и выше ($\chi^2 p < 0,01$).

Взаимосвязь генерализованного доверия и коррупционных практик населения

Для того чтобы определить возможное существование различий уровня коррупционных

практик опрошенных в зависимости от уровня генерализованного доверия, весь массив был поделен на три подгруппы: с низким, средним и высоким уровнем генерализованного доверия. Группа с высоким уровнем генерализованного доверия составила 12,1%, со средним уровнем — 63,2% и с низким уровнем доверия — 24,7%.

Также в зависимости от уровня обобщенного доверия был определен спрос на бытовую коррупцию по шестнадцати предложенным ситуациям. Максимальное значение по всем ситуациям (15,5%) было выявлено среди населения с низким уровнем обобщенного доверия в сфере высших учебных заведений. Наибольшая доля взяткодателей в подгруппе со средним уровнем доверия установлена в сфере военного призыва и составила 13,9%. Наименьшая доля населения, прибегнувшего к взятке, была выявлена в подгруппе населения с высоким уровнем генерализованного доверия (6,3%) (таблица 2).

Таблица 1. Спрос на коррупцию в разрезе сфер обращения (%)

Table 1. Demand for corruption by different instances of contacting state authorities (%)

Сферы обращения	2021
Дошкольные учреждения	6,1
Социальные выплаты	2,6
Работа	4,6
Получение бесплатной медицинской помощи	5,1
Школа	8,5
Вуз	10,9
Решение проблем в связи с призывом на военную службу	10,9
Земельный участок	5,2
Жилплощадь	5,7
Суд	3,0
Автоинспекция	11,2
Пенсии	1,9
Полиция	3,1
Получение услуг по ремонту, эксплуатации жилья у муниципальных служб по эксплуатации	6,7
Получение паспорта или заграничного паспорта	1,9
Регистрация сделок с недвижимостью	3,6

Источник: данные анкетного опроса в Алтайском крае.

Source: data collected from the survey conducted in Altai Krai.

В подгруппах населения с разным уровнем генерализованного доверия были выявлены статистически достоверные различия оценки вероятности своего попадания в коррупционную ситуацию в будущем ($\chi^2 p < 0,01$). Низкий уровень отмечает чуть больше половины опрошенных с низким и высоким уровнем генерализованного доверия. Среди остальных наблюдается разрозненность оценок. Также было выявлено, что чем ниже уровень обобщенного доверия, тем выше проявляется чувство незащищенности от коррупции ($\chi^2 p < 0,01$).

При рассмотрении шестнадцати предложенных ситуаций возможного попадания в коррупционную ситуацию была выявлена взаимосвязь уровня обобщенного доверия с ситуациями обращения в ГИБДД ($\chi^2 p < 0,01$), полицию ($\chi^2 p < 0,001$) и

получением паспорта ($\chi^2 p < 0,01$): чем выше уровень генерализованного доверия, тем выше доля тех, кто избежал попадания в коррупционную ситуацию по данным сферам обращения.

При проведении бинарной логистической регрессии в качестве зависимой переменной в регрессионной модели был использован показатель попадания в коррупционную ситуацию при взаимодействии с ГИБДД, полицией и при решении вопросов с получением/заменой паспорта. Построенные модели позволяют корректно классифицировать 72,1, 79,2 и 91,8% респондентов соответственно. Полученное решение позволяет выявить показатели, способствующие попаданию населения в коррупционную ситуацию при обращении в данные сферы (таблица 3).

Таблица 2. Спрос на коррупцию в разрезе сфер обращения, в подгруппах населения с разным уровнем генерализованного доверия (%)

Table 2. Demand for corruption by different instances of contacting state authorities in population subgroups with various degree of generalized trust (%)

Сферы обращения	Уровень генерализованного доверия		
	Низкий	Средний	Высокий
Дошкольные учреждения	7,7	5,9	3,3
Социальные выплаты	3,0	2,8	0
Работа	7,3	4,0	0
Получение бесплатной медицинской помощи	6,5	4,5	5,2
Школа	8,0	9,7	2,6
Вуз	15,5	10,2	3,7
Решение проблем в связи с призывом на военную службу	5,9	13,9	6,3
Земельный участок	7,6	4,9	0
Жилплощадь	4,9	6,4	4,3
Суд	1,5	4,4	0
ГИБДД	7,3	11,9	0
Пенсии	1,6	2,3	0
Полиция	0	4,8	2,6
Получение услуг по ремонту, эксплуатации жилья у муниципальных служб по эксплуатации	6,1	7,9	2,7
Получение паспорта или заграничного паспорта	2,1	1,7	2,6
Регистрация сделок с недвижимостью	4,3	3,9	0

Источник: данные анкетного опроса в Алтайском крае.

Source: data collected from the survey conducted in Altai Krai.

Анализ генерализованного доверия и социально-демографических характеристик населения Алтайского края позволил выявить, что доверие обобщенному другому повышает шансы попадания в коррупционную ситуацию при взаимодействии с полицией почти в 2 раза. Социально-демографические характеристики играют значимую роль при взаимодействии с ГИБДД и при решении вопросов, связанных с паспортом: женщины в 0,5 раза меньше подвержены попаданию в коррупцию в случае обращения в автоинспекцию, а прожи-

вание в сельской местности в 0,1 раза снижает шансы попадания в коррупционную ситуацию при обращении в паспортный стол.

Также в качестве зависимой переменной в регрессионной модели был использован показатель дачи взятки при взаимодействии с ГИБДД. В отношении остальных двух показателей анализ не был проведен в связи с малым объемом анализируемых показателей. Построенная модель позволяет корректно классифицировать 64,7% респондентов. Полученное решение позволяет

Таблица 3. Переменные в уравнении регрессии
Table 3. Variables in the regression equation

	В	Среднеквадратичная ошибка	Вальд	ст. св.	Значимость	Exp (В)
ГИБДД						
Генерал. доверие (1)	0,335	0,224	2,244	1	0,134	1,399
Возраст_3 катег	—	—	0,337	2	0,845	—
Возраст_3 катег (1)	0,105	0,374	0,079	1	0,779	1,111
Возраст_3 катег (2)	-0,059	0,313	0,036	1	0,850	0,942
Село/город (1)	-0,268	0,239	1,261	1	0,261	0,765
Пол (1)	-0,598	0,223	7,187	1	0,007	0,550
Константа	-0,677	0,315	4,622	1	0,032	0,508
Получение паспорта или заграничного паспорта						
Генерал. доверие (1)	0,695	0,393	3,132	1	0,077	2,004
Возраст_3 катег	—	—	2,900	2	0,235	—
Возраст_3 катег (1)	1,863	1,119	2,772	1	0,096	6,446
Возраст_3 катег (2)	1,729	1,047	2,725	1	0,099	5,633
Село/город (1)	-2,011	0,758	7,043	1	0,008	0,134
Пол (1)	-0,734	0,400	3,363	1	0,067	0,480
Константа	-3,621	1,048	11,929	1	0,001	0,027
Полиция						
Генерал. доверие (1)	0,691	0,302	5,221	1	0,022	1,996
Возраст_3 катег	—	—	1,016	2	0,602	—
Возраст_3 катег (1)	0,448	0,575	0,607	1	0,436	1,565
Возраст_3 катег (2)	0,489	0,486	1,012	1	0,314	1,630
Село/город (1)	0,101	0,328	0,095	1	0,757	1,107
Пол (1)	-0,548	0,303	3,271	1	0,071	0,578
Константа	-1,768	0,509	12,057	1	0,001	0,171

Источник: данные анкетного опроса в Алтайском крае.

Source: data collected from the survey conducted in Altai Krai.

выявить показатели, способствующие даче взятки при обращении населения в структуру ГИБДД (таблица 4). Согласно полученным данным, доверие обобщенному другому снижает шансы дачи взятки сотрудникам ГИБДД в 0,25 раза. Социально-демографические характеристики при этом не играют значимой роли, что позволяет нам отметить тот факт, что попадание в группу взяткодателей в ситуации с автоинспекцией не зависит от гендерной, возрастной и территориальной принадлежности.

ОБСУЖДЕНИЕ

Высокий уровень обобщенного доверия позволяет людям доверять тем, кто находится за пределами их непосредственной группы, и формировать устойчивые отношения, кроме того, способствует упорядочиванию поведения не только отдельной личности, но также группы и общества. В Алтайском крае генерализованное доверие населения находится на среднем уровне в большинстве выявленных подгрупп, кроме молодежи, которая склонна проявлять меньшее доверие к незнакомцам. Относительно коррупционных практик населения было выявлено, что чуть меньше половины опрошенных (43%) хоть раз в жизни попадали в коррупционную ситуацию, из них почти каждый четвертый (28,3%) в итоге решил прибег-

нуть к даче взятки. Наиболее подвержены коррупции оказались мужчины, население с высшим образованием и уровнем дохода от 51 000 руб. на человека. Решают свои проблемы с помощью взятки в большинстве случаев старшее население и мужчины. По результатам международных исследований чаще всего отмечается отсутствие гендерных различий в уровне социального доверия. Однако при проведении региональных и внутривосточных исследований отмечается, что женщины менее предрасположены к участию в коррупционных сделках, чем мужчины [29], что коррелирует с результатами нашего исследования.

Основной причиной дачи взятки является сформированное и устоявшееся в общественном сознании мнение о неискоренимости коррупции. При рассмотрении различных ситуаций были выявлены различия коррупционных практик в зависимости от пола, территории проживания, образования и дохода. Чаще всего с помощью взятки решаются вопросы в ситуации обращения в ГИБДД.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщенное доверие выступает важным социальным ресурсом, который является фактором эффективного социального взаимодействия. Анализ участия населения в коррупционных практиках в зависимости от степени генерализованного до-

Таблица 4. Переменные в уравнении регрессии
Table 4. Variables in the regression equation

	В	Среднеквадратичная ошибка	Вальд	ст. св.	Значимость	Exp (В)
ГИБДД						
Генерал. доверие (1)	-1,382	0,426	10,502	1	0,001	0,251
Возраст_3 катег	—	—	1,272	2	0,530	—
Возраст_3 катег (1)	-0,323	0,664	0,237	1	0,626	0,724
Возраст_3 катег (2)	-0,606	0,559	1,176	1	0,278	0,545
Село/город (1)	-0,132	0,444	0,088	1	0,767	0,877
Пол (1)	-0,158	0,416	0,144	1	0,704	0,854
Константа	0,697	0,526	1,756	1	0,185	2,007

Источник: данные анкетного опроса в Алтайском крае.
Source: data collected from the survey conducted in Altai Krai.

верия показал максимальную включенность мало доверяющих и минимальную причастность к коррупции населения с высоким уровнем доверия. В подгруппе полностью доверяющих почти в трети ситуаций не было выявлено попадания в коррупционную ситуацию. Среди жителей Алтайского края с низким и высоким уровнем доверия ниже прогноз возможного попадания в коррупционную ситуацию в будущем. При этом население с низким уровнем обобщенного доверия отмечает свою незащищенность от коррупции. При рассмотрении коррупционных практик и обобщенного доверия были выделены ситуации обращения в ГИБДД, полицию и ситуации, связанные с получением/заменой паспорта. Население с более высоким уровнем доверия чаще избегает попадания в коррупционную ситуацию по данным обращениям. Противоположная роль генерализованного доверия была выявлена в отношении дачи взятки: чаще отказывается прибегать к данному незаконному способу решения своего вопроса население с низким уровнем доверия. Кроме этого, по результатам регрессионного анализа было выявлено, что генерализованное доверие, с одной стороны, способно выступать фактором, повышающим шансы попадания населения в коррупционную ситуацию, в частности при обращении за

помощью в полицию. С другой стороны, обобщенное доверие способно снижать шансы населения стать взяточдателем при взаимодействии с ГИБДД.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволили выделить группы населения с низким уровнем генерализованного доверия. Были определены ситуации с высокой вероятностью проявления коррупционных практик. Также была выявлена взаимосвязь генерализованного доверия и коррупционных практик населения, которая позволяет рассматривать роль обобщенного доверия, с одной стороны, как один из факторов, способствующих снижению готовности населения прибегнуть к взятке как средству решения своих проблем/вопросов, с другой стороны, как фактор, подвигающий на коррупционное деяние. Полученные данные подтверждают теоретические представления о противоречивости роли доверия в системе коррупционных практик и открывают новые области для продолжения более углубленного изучения темы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ № 19-311-90040 «Социальное доверие и коррупция: проблемы взаимообусловленности и трансформации в современных условиях регионального социума» (2019-2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алехин Э. В. Коррупция в России: системный анализ / Э. В. Алехин, Е. В. Еремина // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 30-33.
2. Ардельянова Я. А. Коррупция, доверие и неравенство в современных обществах / Я. А. Ардельянова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 212-219.
3. Глушко И. В. Доверие как феномен повседневности / И. В. Глушко // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1 (65). С. 15-19.
4. Гужавина Т. А. Социальный капитал городского сообщества: доверие, солидарность, ответственность / Т. А. Гужавина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Том 11. № 4. С. 252-268. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16
5. Козлова О. Н. Культуры доверия: опыт социологического анализа / О. Н. Козлова // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Том 208. С. 157-167.
6. Козырева П. М. Доверие в нестабильном российском обществе / П. М. Козырева, А. И. Смирнов // Полис. Политические исследования. 2019. № 5 (28). С. 134-147. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.10
7. Латов Ю. В. Коррупция в зеркале общественного мнения россиян: проблемы, противоречия, парадоксы / Ю. В. Латов // Journal of Institutional Studies. 2019. № 11 (4). С. 40-60. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.4.040-060

8. Овчарова Т. Н. Доверие в социокультурной коммуникации / Т. Н. Овчарова // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2015. № 2. С. 25-30.
9. Омельченко Д. А. Генерализованное (обобщенное) доверие в российских приграничных регионах как показатель социальной безопасности / Д. А. Омельченко, С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина // Society and Security Insights. 2018. Том 1. № 2. С. 11-28.
10. Охотский Е. В. Социально-правовая сущность и основные признаки коррупции / Е. В. Охотский // Государственный аудит. Право. Экономика. 2009. № 3. С. 25-36.
11. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы / С. Роуз-Аккерман; пер с англ. О. А. Алякринского. М.: Логос, 2003. 356 с.
12. Селигмен А. Проблема доверия / А. Селигмен; пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
13. Татарко А. Н. Ценности и доверие как факторы отношения к коррупции / А. Н. Татарко, А. А. Миронова // Психология в экономике и управлении. 2015. Том 7. № 2. С. 96-110. DOI: 10.17150/2225-7845.2015.7(2).96-110
14. Федотов Л. Н. Деформация социального капитала как фактор возникновения коррупции / Л. Н. Федотов // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 138-145.
15. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма; пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М.: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.
16. Хусаин Х. М. Коррупция и управление / Х. М. Хусаин // Прогнозис. 2008. № 1. С. 125-149.
17. Шахтаханов Е. Л. Коррупция как социальное явление и направления совершенствования противодействия коррупции в системе государственной службы / Е. Л. Шахтаханов, Е. Н. Дмитриева // Столица науки. 2019. № 6 (11). С. 158-167.
18. Штомпка П. Доверие — основа общества / П. Штомпка; пер. с пол. Н. В. Морозовой. М.: Логос, 2012. 440 с.
19. Abun D. Students' attitude toward corruption and their behavioural intention to corrupt or not to corrupt in the future: the Philippines' context / D. Abun, M. J. Encarnacion, T. Magallanes, S. Lalaine // Journal of the Social Sciences. 2020. Vol. 23. No. 1. Pp. 77-98.
20. Igarashi T. Generalized trust and social selection process / T. Igarashi, T. Hirashima // Frontiers in Communication. 2021. Vol. 6. Article 667082. DOI: 10.3389/fcomm.2021.667082
21. Janmaat J. G. The development of generalized trust among young people in England / J. G. Janmaat // Social Sciences. 2019. No. 8 (11). Article 299. DOI: 10.3390/socsci8110299
22. Kyriacou A. Economic development, inequality and generalized trust / A. Kyriacou, P. Trivin // Economics Bulletin. 2020. Vol. 40 (1). Pp. 286-291.
23. Maximova S. The trust as a social capital of civil society in contemporary Russia / S. Maximova, O. Noyanzina, D. Omelchenko, M. Maximova // MATEC Web of Conferences. 2018. No. 212. Article 10004. DOI: 10.1051/mateconf/201821210004
24. Perveen S. Analysis of university students' generalized trust on public institutions / S. Perveen, H. Kaynat, R. Latief // Global Educational Studies Review. 2020. Vol. 5 (3). Pp. 214-221. DOI:10.31703/gesr.2020 (V-III).22
25. Rothstein B. The state and social capital: an institutional theory of generalized trust / B. Rothstein, D. Stolle // Comparative Politics. 2008. Vol. 40. No. 4. Pp. 441-459. DOI: 10.2307/20434095
26. Šumah Š. Administrative corruption / Š. Šumah, M. Borošak, A. Šumah // American Journal of Humanities and Social Sciences Research. 2020. Vol. 4. No. 12. Pp. 143-149.
27. Tacconi L. Corruption and anti-corruption in environmental and resource management / L. Tacconi, A. Williams // Annual Review of Environment and Resources. 2020. Vol. 45 (1). Pp. 305-329. DOI: 10.1146/annurev-environ-012320-083949
28. Vannucci A. The formal and informal institutions of corruption: an analytical framework and its implications for anticorruption policies / A. Vannucci // Preventing Corruption through Administrative Measures / E. Carloni (ed.) // Perugia: Morlacchi editore University Press, 2019. Pp. 121-136.



29. Wenyan T. Gendered clientelism and corruption: are women less corrupt than men in China? / T. Wenyan, X. Guo // *International Feminist Journal of Politics*. 2021. DOI: 10.1080/14616742.2021.1936117. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14616742.2021.1936117> (дата обращения: 29.10.2021)
30. Wu C. How stable is generalized trust? Internal migration and the stability of trust among Canadians / C. Wu // *Social Indicators Research: An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement*. 2021. Vol. 153 (1). Pp. 129-147. DOI: 10.1007/s11205-020-02484-8
31. Zulkarwin Z. Corruption and legitimacy / Z. Zulkarwin // *Journal of Governance*. 2021. Vol. 6 (1). Pp. 63-72. DOI: 10.31506/jog.v6i1.10288

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-4-47-62

UDC 316.4

The interconnection between generalized trust and corruption practices of the population (results of sociological research in Altai Krai)

Anastasia S. Spirina¹, Svetlana G. Maximova²

¹ Postgraduate student of the Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies, Altai State University (Barnaul, Russian Federation)
ORCID: 0000-0001-6003-1691
natali93_08@mail.ru

² Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies, Altai State University (Barnaul, Russian Federation)
ORCID: 0000-0002-4613-4966
svet-maximova@yandex.ru

Abstract. The relevance of the topic is determined by the importance of the category of generalized trust, which is recognized, within the framework of the concept of social capital, as the foundation for developing the attitude of trust as «a priori benevolence», which can later be considered as the basis for reducing the corruption practices of the population. The low degree and lack of generalized trust can generate a calm attitude towards corruption and facilitate the participation of the population in corrupt activities. A high degree of trust in an individual contributes to confidence in the actions carried out by them, their compliance with established norms, rules or agreements, due to which the likelihood of the implementation of corrupt actions is minimized. This duality of the relationship between corruption and trust is explained by the existence of different forms and levels of trust in society, when different types of trust play their «role». The purpose of the study is to identify the presence of interconnection of generalized trust and corruption in the Altai Krai's society. The basis of this article consists of integrative theoretical and methodological background, which includes concepts of theories of trust and of corruptogenicity of a society. The novelty of the research lies in the identification of possible points of interdependence of social trust and corruption in society. The article focuses on the sociological analysis of corruption practices and public perceptions of corruption. The level of coverage of everyday corruption and the degree of generalized trust among the population of Altai Krai were determined based on the results of a sociological survey of the urban and rural population aged 18 to 70 years (n = 1200). Corrupt practices of the population are presented in the work by the level of involvement of the population in everyday corruption for the sixteen proposed situations of contacting state authorities. The hypotheses about the presence of interconnection/dependence between generalized trust and corrupt practices were tested. For some figures, a connection was found between socio-demographic characteristics, the degree of generalized trust, the coverage of domestic corruption and its demand. The dependence of some corrupt practices on generalized trust were also revealed. The authors have used regression analysis in the present research.

Keywords: generalized trust, petty corruption, corruption practices, regional studies.

Citation: Spirina A. S., Maximova S. G. 2021. "The interconnection between generalized trust and corruption practices of the population (results of sociological research in Altai Krai)". *Siberian Socium*, vol. 5, no. 4 (18), pp. 47-62. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-4-47-62

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project no. 19-311-90040 “Social trust and corruption: issues of interdependence and transformation in modern regional society”.

REFERENCES

1. Alekhin E. V., Eremina E. V. 2016. “Corruption in Russia: a systematic analysis”. *Society: sociology, psychology, pedagogy*, no. 4, pp. 30-33. [In Russian]
2. Ardel’yanova Ya. A. 2014. “Corruption, trust and inequality in modern societies”. *Moscow State University Herald. Series 18. Sociology and political science*, no. 2, pp. 212-219. [In Russian]
3. Glushko I. V. 2011. “Trust as a phenomenon of everyday life”. *Kavkaz Scientific Thought*, no. 1 (65), pp. 15-19. [In Russian]
4. Guzhavina T. A. 2018. “Social capital of the urban community: trust, solidarity, responsibility”. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 11, no. 4, pp. 252-268. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16 [In Russian]
5. Kozlova O. N. 2015. “Cultures of trust: the experience of sociological Analysis”. *Works of Saint Petersburg State Institute of Culture*, vol. 208, pp. 157-167. [In Russian]
6. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. 2019. “Trust in an unstable Russian society”. *Polis. Political studies*, no. 5 (28), pp. 134-147. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.10 [In Russian]
7. Latov Yu. V. 2019. “Corruption in the mirror of Russian public opinion: problems, contradictions, paradoxes”. *Journal of Institutional Studies*, no. 11 (4), pp. 40–60. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.4.040-060 [In Russian]
8. Ovcharova T. N. 2015. “Trust in sociocultural communication”. *Herald of Nizhny Novgorod State Technical University Named after. R. E. Alekseev. Series: Management in social systems. Communication Technologies*, no. 2, pp. 25-30. [In Russian]
9. Omel’chenko D. A., Maximova S. G., Noyanzina O. E. 2018. “Generalized trust in Russian border regions as an indicator of social security”. *Society and Security Insights*, vol. 1, no. 2. pp. 11-28. [In Russian]
10. Ohotskij E. V. 2009. “Socio-legal essence of corruption and its main signs”. *State audit. Law. Economics*, no. 3, pp. 25-36. [In Russian]
11. Rose-Ackerman S. 2003. *Corruption and the government: causes, consequences, reforms*. Translated from English by O. Ya. Alyakrinskiy. Moscow: Logos. 356 p. [In Russian]
12. Seligman A. 2002. *The problem of trust*. Translated from English by I. I. Myurberg, L. V. Soboleva. Moscow: Idea-Press. 256 p. [In Russian]
13. Tatarko A. N., Mironova A. A. 2015. “Values and trust as factors in attitudes towards corruption”. *Psychology in economics and management*, vol. 7, no. 2, pp. 96-110. DOI: 10.17150/2225-7845.2015.7(21.96-110 [In Russian]
14. Fedotov L. N. 2012. “Deformation of social capital as a factor in the emergence of corruption”. *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 3, pp. 138-145. [In Russian]
15. Fukuyama F. 2004. *Trust: social virtues and the path to prosperity*. Translated from English by D. Pavlova, V. Kiryushchenko, M. Kolopotin. Moscow: AST Publishing. 730 p. [In Russian]
16. Khusain Kh. M 2008. “Corruption and governance”. *Prognosis*, no. 1, pp. 125-149. [In Russian]
17. Shahtahanov E. L., Dmitrieva E. N. 2019. “Corruption as a social phenomenon and directions for improving the fight against corruption in the public service system”. *Capital of science*, no. 6 (11), pp.158–167. [In Russian]
18. Shtompka P. 2012. *Trust is the foundation of society*. Translated from Polish by N. V. Morozova. Moscow: Logos. 440 p. [In Russian]

19. Abun D., Encarnacion M. J., Magallanes T., Lalaine S. 2020. "Students' attitude toward corruption and their behavioural intention to corrupt or not to corrupt in the future: the Philippines' context". *Journal of the Social Sciences*, vol. 23, no. 1, pp. 77-98.
20. Igarashi T., Hirashima T. 2021. "Generalized trust and social selection process". *Frontiers in Communication*, vol. 6, article 667082. DOI: 10.3389/fcomm.2021.667082
21. Janmaat J. G. 2019. "The development of generalized trust among young people in England". *Social Sciences*, no. 8 (11), article 299. DOI:10.3390/socsci8110299
22. Kyriacou A., Trivin P. 2020. "Economic development, inequality and generalized trust". *Economics Bulletin*, vol. 40 (1), pp. 286-291.
23. Maximova S., Noyanzina O., Omelchenko D., Maximova M. 2018. "The trust as a social capital of civil society in contemporary Russia". *MATEC Web of Conferences*, no. 212, article 10004. DOI: 10.1051/mateconf/201821210004
24. Perveen S., Kaynat H., Latief R. 2020. "Analysis of university students' generalized trust on public institutions". *Global Educational Studies Review*, vol. 5 (3), pp. 214-221. DOI:10.31703/gesr.2020(V-III).22
25. Rothstein B., Stolle D. 2008. "The state and social capital: an institutional theory of generalized trust". *Comparative Politics*, vol. 40, no. 4, pp. 441-459. DOI: 10.2307/20434095
26. Šumah Š., Borošak, AnžeŠumah. 2020. "Administrative corruption". *American Journal of Humanities and Social Sciences Research*, vol. 4, no. 12, pp. 143-149.
27. Tacconi L., Wiliams A. 2020. "Corruption and anti-corruption in environmental and resource management". *Annual Review of Environment and Resources*, vol. 45 (1), pp. 305-329. DOI: 10.1146/annurev-environ-012320-083949
28. Vannucci A. 2019. "The formal and informal institutions of corruption: an analytical framework and its implications for anticorruption policies". Edited by E. Carloni. *Preventing Corruption through Administrative Measures*. Perugia: Morlacchi editore University Press. Pp. 121-136.
29. Wenyan T., Guo X. 2021. "Gendered clientelism and corruption: are women less corrupt than men in China?". *International Feminist Journal of Politics*. DOI: 10.1080/14616742.2021.1936117. Accessed on 29 October 2021. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14616742.2021.1936117>
30. Wu C. 2021. "How stable is generalized trust? Internal migration and the stability of trust among Canadians". *Social Indicators Research*, vol. 153 (1), pp. 129-147. DOI: 10.1007/s11205-020-02484-8
31. Zulkarwin Z. 2021. "Corruption and legitimacy". *Journal of Governance*, vol. 6 (1), pp. 63-72. DOI: 10.31506/jog.v6i1.10288